Медный котёл

Андрей Штукатуров

Медный котел

https://litres.ru/74851229
SelfPub; 2026

Аннотация

Другое время. Другие люди. Контрабанда и любовь. Как из этого выкрутятся главные герои?

Содержание

Глава 1. До первого снега 4
Глава 2. Дорожные пироги 11
Глава 3. Смотритель 17
Глава 4. Человек и кошка 23
Глава 5. Очень плохая хозяйка 30
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Медный котел

Глава 1. До первого снега

Первым вернулся запах: прокисшее тесто, холодная зола и что-то жирное, давно пригоревшее. Потом пришёл холод - каменный пол, на котором она лежала, был ледяным.

Вера открыла глаза. Серые плиты, в щели между ними забился мусор. Рядом валялась миска с присохшей коркой теста, под ней крошки, мышам на радость. Вера, всю свою жизнь проработавшая технологом на подмосковном производстве, вдруг подумала: «Санитарный журнал за этот цех я бы не подписала».

Следующая мысль была хуже. Электричка, ночная, последний вагон, забытый кем-то пакет на соседней лавке. Она села. Руки, которые упёрлись в пол, были не её: узкие, бледные, с обкусанными ногтями и свежим ожогом на запястье. На пальцах не было шрама от консервного ножа, который она получила в девятнадцать. Рукав серого платья был подвёрнут и заляпан сажей.

Дышать. Раз, два, три. Паника поднималась из живота горячей волной, и Вера сделала то, что всегда делала, когда на линии вставал конвейер: стала считать.

Что есть. Кухня, примерно шесть на пять шагов. Две печи, кирпичные, с чугунными плитами. Левая тёмная и хо-

лодная. Правая тоже холодная, но с остатками углей. На стене над ней что-то процарапано: круг с косым крестом внутри. Знак, поняла она, хотя откуда ей это знать? Рядом висели три медные кастрюли, одна без ручки. Стол, разделочная доска с въевшимся жиром, мешок муки, наполовину отсыревший. Бочка в углу, судя по запаху, с квашеной капустой.

Что сломано. Дверца левой печи висела на одной петле. Окно треснуло. Табурет без ножки.

Чего не хватает. Дров. Чистой воды. Людей.

Последнее она отметила особенно: в доме, где печи и кастрюли, должен кто-то быть. Вера поднялась, голова ещё кружилась, и первой под руку попалась кочерга. Тяжёлая, холодная, надёжная. С ней стало спокойнее.

Она как раз заглядывала в тёмное зеркальце котла, пытаясь рассмотреть своё лицо, когда за спиной скрипнула дверь.

— Хозяйка?

В проёме стоял мальчишка лет двенадцати, худой, вихрастый, с ведром воды в одной руке и поленом под мышкой. Он смотрел на кочергу, потом на неё, потом снова на кочергу.

— Ты чего? — осторожно спросил он.

— Стою, — сказала Вера. Голос тоже был чужой, тонкий и чуть хриплый. — Греюсь.

— Кочергой?

Она посмотрела на кочергу так, будто видела её впервые.

— Проверяю, не рассыпалась ли.

Мальчишка поставил ведро. Медленно, чтобы не плес-

нуть.

— Ты с утра на полу лежала. Я думал, опять… ну, как весной. — Он осёкся. — Я за Ульной не побегу, если что. Далеко.

— За Ульной не надо. — Вера опустила кочергу. — Слушай, я, кажется, ударилась головой. Многое путается. Давай проверим, что я помню. Как тебя зовут?

Мальчишка прищурился. Лицо у него было такое, будто он давно ждал подвоха и теперь убедился, что не зря.

— Мика. Ты сама меня Микой назвала, когда я сюда пришёл. Два года уж.

— Мика, — повторила Вера. — А я?

Пауза вышла длинная.

— Ты Веровена. Торн. — Он поморщился. — Вдова. Эдвина Торна жена. Он помер весной, от лихорадки. Ты три дня на поминках проплакала, а потом ходила как неживая. Ты чего, правда не помнишь?

— Помню, — быстро сказала Вера. — Просто проверяла, помнишь ли ты.

— Я-то помню, — буркнул Мика и подобрал полено. — Это таверна «Медный котёл», если что. Дрова кончаются. Мука сырая. Печь левую я будил с рассвета, она только дуется. Сказал же вчера.

Он сунул полено к правой печи, вытянул ладонь над знаком на кирпиче и что-то шепнул, коротко, будто чихнул. Круг с крестом дрогнул тёплым оранжевым светом. Угли под

плитой нехотя зарумянились.

Вера смотрела на его руку. Потом, не удержавшись, подошла к левой печи, где знак был почти стёрт, и приложила ладонь к кирпичу. Холод. Она подумала: ну давай. Ничего. Кирпич остался мёртвым.

— Не выйдет у тебя, — сказал Мика почти равнодушно. — Никогда не выходило. Эдвин говорил, у тебя руки не для знаков. Для вышивки.

— Для вышивки, — повторила Вера. — Ну что ж. Значит, обойдемся без знаков.

Мика посмотрел на неё впервые с чем-то похожим на интерес. Но интерес тут же погас: из зала донёсся стук во входную дверь. Громкий, вежливый, три раза.

Мальчишка вздрогнул.

— Это он, — шепнул он. — Горст.

— Кто такой Горст?

— Ты же… — Мика замолчал, глядя на неё. Потом сказал тише: — Он уже несколько раз приходил.

В зале было холодно и пахло так же, как на кухне, только пыли было побольше. Шесть столов, лавки, перевёрнутый стул. Очаг давно не топили. Вера дошла до двери, шагая по плитам, на которых остались чьи-то следы, и отодвинула засов.

На пороге стоял человек в добротном тёмном плаще, с аккуратной седеющей бородкой и мягким лицом школьного учителя. В руке он держал кожаную папку. Сапоги чистые,

хотя на дворе стояла грязь.

— Хозяйка Торн, — он чуть наклонил голову. — Доброго утра. Простите за беспокойство. Мастер Горст, вы меня, верно, помните.

— Помню, — солгала Вера. — Проходите.

Он вошёл, огляделся без брезгливости и без сочувствия, как оценщик. Сел за ближайший стол, не смахнув с него пыль, и положил папку. Достал три листа с печатями.

— Я не буду тянуть. Осень, дорога, всем недосуг. Эдвин, упокой его, был человеком хорошим, но неосмотрительным. — Он разложил бумаги веером. — Расписки. Эта за тёплую соль, взятую в долг, эта за ремонт кровли, эта по старым закупкам. Всего сорок серебряных марок. Срок вы знаете.

— Какой срок, напомните?

Горст чуть приподнял бровь, но улыбку сохранил.

— До первого снега. Это обычай. А если не получится, дом переходит ко мне, вместе с погребом и конюшней. Но я пришёл не угрожать. Наоборот. Хочу предложить по-доброму. Двенадцать марок сейчас, наличными, и вы свободны. Уедете к родне, в город, будете жить спокойно. Таверна в таком состоянии вам не по силам, согласитесь. Окна, печи, репутация. Путники обходят вас стороной, говорят о лихорадке.

Вера слушала и считала. Двенадцать из сорока. Остаётся двадцать восемь, которые он, значит, рассчитывает получить от продажи дома. А вдруг дом стоит больше? Конечно, мож-

но взять двенадцать марок и уйти. Чужое тело, чужой мир, никаких обязательств. Взять деньги, найти работу. Технолог нигде не пропадёт.

Она открыла рот, чтобы сказать «я подумаю», но вместо этого сказала:

— Нет.

Горст не изменился в лице. Только пальцы, только что постукивавшие по листам бумаги, замерли.

— Простите?

—Я не продаю. — Она сама удивилась ровности голоса. — Долг признаю, расписки вижу. Срок тоже. Оставьте копии, пожалуйста, я хочу изучить каждую отдельно. Я слышала, что сроки по разным распискам могут отличаться.

— Вы слышали? — переспросил он очень мягко.

— Я предполагаю. Как предполагала бы любая хозяйка.

Из кухни донёсся едва слышный звук: Мика, прильнув к двери, неосторожно задел ведро. Горст не повернул головы.

Он смотрел на Веру дольше, чем требовала вежливость. Потом собрал бумаги и поднялся.

— Копии за мой счёт, считайте это знаком уважения. — Он двинулся к двери, на ходу натягивая тонкие кожаные перчатки, но у двери внезапно остановился. — Вы изменились, хозяйка. Раньше вы боялись смотреть мне в глаза.

— Раньше мне было нечего сказать.

— Что ж. Это похвально.

Он вышел на крыльцо, ветер гонял по двору сухие листья.

Небо над перевалом было низким и серым, как тряпка для мытья посуды. Горст посмотрел наверх, потом обернулся.

— Сорок марок до первого снега, хозяйка. Снег в этом году ранний.

Вера стояла у двери и смотрела на медленно удалявшуюся фигуру. Только когда он скрылся за поворотом, она заметила, что всё это время сжимала кочергу.

Глава 2. Дорожные пироги

Утром Вера нашла в сундуке чистую тряпицу и подвязала русые волосы, которые у Веровены оказались густыми и длинными. Потом она взяла со стола вчерашние копии расписок, сложила вчетверо и спрятала в карман передника. Передник, к слову, придётся стирать. Или сжигать.

На кухне Мика уже сидел на корточках у правой печи и что-то шептал знаку на кирпиче. Круг с косым крестом тлел тёмно-красным. Мика щепотью сыпанул на него что-то, приложил ладонь, и по чугуну пошла тёплая волна. Вера почувствовала её на лице, как дыхание.

— Левую тоже будить? — спросил он, не оборачиваясь.

— Левую потом. Сначала я хочу знать, что у нас есть. Давай ревизию.

— Чего?

— Опись. Всё, что лежит, висит и стоит, записываем и считаем.

Мика посмотрел на неё как на умалишенную, но все-таки принёс уголёк и дощечку.

К полудню картина сложилась. Мука: полмешка, с мучным жучком, но если просеять, жить можно. Сало: два круга, один заплесневел с угла. Лук, капуста, три десятка яиц в соломе, бочонок солёных грибов, которому на вид было лет сто.

Посуда оказалась отдельным разговором. Котлы закоптились дочерна. Деревянные ложки пахли старой кислятиной и въевшимся луком. Разделочная доска имела в середине такую трещину, что в нее можно было наливать суп.

— Это чего? — спросила Вера и ткнула в доску.

— Доска.

— Я вижу, что доска. Она сколько лет немытая?

— Её мыли, — обиделся Мика. — Каждую неделю скребли.

— Скребли. А в щелях что живёт?

Мика промолчал, что было красноречивее любого ответа.

Вера вздохнула и вытерла руки о многострадальный передник.

— Слушай внимательно. Чисто не там, где не видно грязи. Чисто там, где грязи негде жить. Всё, что можно отмыть кипятком и золой, отмываем. Всё, что нельзя отмыть, трещины, щели, гнилое дерево, — сжигаем. Без жалости.

— Это ж доска. Хорошая была, дубовая.

— Была. А теперь в ней живёт всякая дрянь. В печь.

— А на чём резать?

— Новую выстругаем. Найдёшь кусок дерева потолще?

Мика посопел, но доску потащил. Дверца левой печи, куда он её сунул, глухо бухнула. В холодной топке что-то мигнуло, и доска вдруг занялась.

— Видала? — Он подозрительно уставился на Веру. — Она сама. Без знака.

— Доска просто сухая, — сказала Вера. — Дубу всё равно, магия или нет.

К обеду в кухне пахло золой, кипятком и чем-то неуловимо похожим на порядок. Вера, засучив рукава, отдраивала самый большой котёл, когда в дверь негромко постучали.

На пороге стояла старуха, маленькая, сухая, в тёмной шерстяной накидке, с корзиной через руку. Глаза у неё были светлые и очень внимательные.

— Бабка Ульна, — буркнул Мика у Веры за спиной.

— Принесла вам, хозяюшка. — Старуха поставила корзину на стол. — Зверобой, чабрец, душицу. Эдвин всегда брал к зиме. Ну, и вам теперь пригодится.

— Спасибо. Сколько я должна?

Ульна чуть приподняла бровь.

— Раньше вы не спрашивали. Просто кивали.

— Раньше я многого не спрашивала.

Старуха не ответила. Она смотрела на Веру долго: на передник, на закатанные рукава, на красные от кипятка руки. Потом перевела взгляд на дымящий котёл, на выскобленный стол, на Мику, который вдруг очень активно принялся надраивать ложки. Что-то мелькнуло у неё на лице и пропало.

— Не должны, — сказала она наконец. — Потом сочтёмся. Вы пирогов бы напекли, хозяйка. У вас руки теперь к тесту, не к иголке.

— Откуда вы знаете?

— Вижу, — спокойно сказала Ульна и ушла, не прощаясь.

Мика шумно выдохнул.

— Чего ты её боишься?

— Я не боюсь. — Он подобрал ложку. — Просто она… смотрит.

— Я заметила.

К тому времени, как котёл заблестел, у Веры появился план. Таверна стояла на развилке: туда ехали купцы, обратно — гонцы, мимо тянулись возчики с продуктами и сукном. И все торопились. Значит, нужно что-то, что можно взять в руку и съесть на ходу. Горячее. Недорогое. Узнаваемое.

— Пироги, — сказала она вслух.

— Чего?

— Дорожные пироги. Размером с ладонь, чтобы в карман или за пазуху. Тесто простое, начинка разная: капуста с яйцом, лук с салом, и если найдём мясо, то мясо. Берут медяк за штуку, два за пару. И на каждом клеймо.

— Какое клеймо?

— Котёл. Видел на вывеске? Вырежешь из репы или из дубового бруска, макнём в яичный желток, прижмём к тесту перед печью. Корочка схватится золотистой, и котёл будет виден. Человек съест пирог, доедет до города, увидит на ярмарке другой такой же и вспомнит: «А, это те, что с развилки».

Мика сморщил лоб.

— Зачем клеймо? Пирог и так пирог.

— Затем, что пирог без клейма — просто еда, а пирог с

клеймом — это уже репутация. — Вера почти улыбнулась. — Идём делать тесто.

Первая партия вышла кривоватой. Тесто липло к рукам, часть пирогов у Мики потекла, потому что начинки он положил с запасом. Но к исходу второго часа на столе зарумянилось восемнадцать штук, золотистых, с отпечатком котла на макушке. Котёл у Мики получился похожим скорее на жабу, но Вера решила, что это даже неплохо, будет более узнаваемо. Запах пошёл по дому.

— Выноси на крыльцо, — сказала она. — Дверь открой настежь и жди.

— А если никто не остановится?

— Тогда съедим сами. Но остановятся, я уверена.

Первым остановился возчик, плотный бородатый мужик с мешками на телеге. Он сперва принюхался, потом подозрительно скосился на вывеску.

— Лихорадка у вас, говорят.

— Лихорадка была весной, — ровно сказала Вера. — Дом с тех пор мыт, проветрен и выскоблен. Хотите проверить, заходите. А пока вот, горячий, медяк.

Он взял пирог, откусил и замер. Потом, не говоря ни слова, достал вторую монету.

— С капустой есть?

— Есть.

— Давайте два.

Мика, стоя рядом, и смотрел на медяки у неё в ладони так,

словно они могли исчезнуть. Вера положила их в кошель, и этот тихий звон был самым приятным звуком за два дня.

Она как раз потянулась за следующим пирогом, когда Мика вдруг замер. Лицо его стало цвета муки.

Вера обернулась. По тракту от перевала, не торопясь, ехал всадник. Серый плащ с каким-то нашитым знаком, тёмный конь, прямая спина. Всадник не смотрел на дорогу. Он смотрел на таверну.

— Смотритель, — прошептал Мика. — К нам.

Глава 3. Смотритель

Всадник сошёл с седла, как человек, которому некуда спешить, и который это знает. Коня он привязал сам, проверил подпругу, потом, чеканя шаг, медленно поднялся на крыльцо.

Лет тридцати, сухой, загорелый до цвета старой кожи. Серый плащ в дорожной пыли, на груди нашит знак: круг, перечёркнутый тремя линиями. На левой ладони белел неровный шрам.

Взгляд его прошёлся по вывеске, по открытой двери, по подносу с пирогами, по Мике, который вжался в косяк. И остановился на Вере.

— Веровена Торн?

— Да.

— Ольгерд Вейс, смотритель тракта. — Он достал из-за пазухи сложенный лист и не стал разворачивать. — У меня донос. Через ваш дом, госпожа Торн, проходит беспошлинная тёплая соль.

Мика тихо сглотнул. Вера слышала это отчётливо.

— Донос от кого? — спросила она.

— Не обязан сообщать.

— Не обязаны. Но мне любопытно, кто в нашей глуши так хорошо знает мое жилище. — Она взяла с подноса пирог. — Будете? Медяк.

Брови смотрителя чуть дрогнули.

— Я при службе.

— Служба тоже ест. Это капуста, она не подкупает.

— Я не беру угощений от тех, кого проверяю.

— Тогда медяк, и вы покупатель, а не взяточник. Закон соблюдён.

Он помолчал. Потом достал монету, положил на поднос и взял пирог. Откусил и стал жевать — серьёзно, будто снимал пробу. Вера отметила: ест с аппетитом, значит, голоден, значит, ехал с рассвета.

— Вкусно— сказал он наконец. — Но это не отменяет проверки.

— Я и не рассчитывала. Проходите. Только сапоги вытрите, пол мыт.

Он вытер. Это почему-то её удивило.

В зале Вейс остановился посередине и огляделся: шесть столов, выскобленных до светлого дерева, скамьи, очаг, где Вера утром велела выгрести всё до золы. Пахло щёлоком и хлебом. Смотритель втянул воздух, и взгляд его стал внимательнее.

— Здесь было иначе. Я приезжал в начале лета.

— Я догадываюсь. Еще один донос?

Он не уточнил. — Покажите кухню.

На кухне он работал молча и дотошно. Открыл обе печи, заглянул в поддувала. Правая гудела ровно, знак над ней слабо светился. Левую осматривал дольше.

— Знак на ней погас.

— Знаю.

— Но печь горит...

— Горит, — согласилась Вера. — Я сама удивилась. Может, дров много положила.

Он повернул голову и посмотрел на неё. Взгляд был не злой, но цепкий. Вера заставила себя не отвести глаз.

— Вы не похожи на то, что мне о вас говорили, — сказал он.

— А что говорили?

— Что вы тихая. Что глаз не поднимаете.

— Люди вообще много болтают.

Он ничего не ответил, но шагнул к шкафу с припасами и открыл его. Мешок муки, сало, корзина яиц, бочонок грибов. Он перебрал всё, как таможенник, и Вера пожалела, что вчера не нашла времени проветрить шкаф получше.

— Мука с жучком, — сказал он.

— Была. Я её просеяла, а отсев отдала соседям на корм курам. Опись на столе, сможете проверить.

Он взял опись. Прочёл. Что-то в его лице изменилось: цифры стояли в столбик, с графой остатков и пометкой «списано».

— Вы грамотны.

— Не в обиду, но вы второй, кто это замечает с таким удивлением.

— Простите. — Это прозвучало искренне, и потому

странно. — Комнаты.

Наверху он открыл все четыре. Матрасы Вера вчера вынесла на мороз, и пахло в комнатах холодом и камнем. Он провёл ладонью по подоконнику, посмотрел на пальцы, молча пошёл дальше. В бывшей комнате Эдвина задержался у сундука.

— Открыть?

— Открывайте, — сказала Вера. — Там вещи покойного мужа.

Он осторожно поднял крышку, аккуратно перебрал рубахи и ремни, закрыл.

— Погреб.

Дверь в погреб была под лестницей, низкая, с железной скобой. Знак на ней потускнел, как на левой печи. Вера захватила фонарь. Мика остался наверху: сел на нижнюю ступеньку и грыз ноготь.

Внутри было холодно и пахло землёй. Бочки с солёной капустой, бочонок с мочёной брусникой, пустые ящики, паутина по углам. Вера вчера заглянула сюда мельком и отметила только, что нужно всё вымыть.

Смотритель пошёл вдоль стен, ведя ладонью по камню. Остановился в дальнем углу, где три бочки стояли плотнее остальных. Он присел, постучал по полу, потом вытянул руку к стене.

— Подержите свет.

Вера подняла фонарь. Вейс сдвинул крайнюю бочку, она

подалась неожиданно легко. На камне за ней был вытравлен знак, едва заметный, и когда Ольгерд коснулся его ладонью, что-то тихо щёлкнуло. Кусок стены размером с кошачий лаз отошёл внутрь.

Он достал из темной ниши мешочек, потом второй, третий. Холщовые, перевязанные шпагатом. Разрезал горловину ножом, и в свете фонаря заиграли бледные крупицы, тёплые даже на вид, с мягким золотистым отливом. Вера почувствовала, как от мешка потянуло теплом, будто от свежей буханки.

— Тёплая соль, — сказал он без выражения.

Вера услышала собственный голос, будто со стороны:

— Это не моё.

— Конечно.

— Я серьёзно. — Она шагнула ближе, и фонарь дрогнул. — Я сегодня опись составляла. Я знаю, что у нас в этом доме лежит каждая банка. Этого здесь не было. Ни в описи, ни в голове. Я бы такое запомнила.

— Вы внесли в неё только то, что хотели внести.

— Если бы я знала про тайник, стала бы я вас вести в погреб и светить вам фонарём? — Она сама слышала, как срывается голос. — Я бы поставила на эту бочку ещё две и села сверху.

Уголок его рта дёрнулся.

— Возможно.

Он смотрел на неё долго. Вера видела, что он задумался, и

не шевелилась. Сорок марок долга. Горст. А теперь ещё это. Кто-то в этом доме, кто-то мёртвый или живой, устроил ей такой подарок, о котором она не просила.

— Мешки я заберу, — сказал наконец смотритель. — Как улику. Опись составлю при вас, вы подпишете, что видели, откуда они взяты.

— Подпишу.

— Арестовывать вас сегодня я не стану.

Вера выдохнула, и он заметил.

— Не радуйтесь, — сказал он ровно. — Я не говорил, что поверил вам. Тайник старый, знак вытравлен давно. Но пользоваться им вы вполне могли, и тогда ваша растерянность — отличная игра.

— А если нет?

— Если нет, то хозяйка вы такая, что в собственном доме не знаете погреба. — Он выпрямился, стряхнул пыль с колен. — Вы либо очень хорошая лгунья, либо очень плохая хозяйка, госпожа Торн. И в ближайшие несколько дней я разберусь, которое из двух.

Глава 4. Человек и кошка

В следующий раз смотритель пришёл, когда Вера ещё разводила закваску. Без стука, без слов: сел за стол у окна, откуда видны и входная дверь, и проём на кухню. Мика, поставивший ему кружку воды, вернулся на кухню на цыпочках.

— Сидит, — доложил он шёпотом.

— Вижу.

— Говорит, для проверки.

— Да на здоровье. Тащи муку, которую я вчера просеяла.

Работа спорилась. Вера месила тесто, Мика рубил лук, и каждый раз, когда она проходила через зал за водой или дровами, смотритель поворачивал голову и провожал её глазами до двери. Ничего не спрашивал. Сидел, разглядывал потолок, балки, ножки столов, потом снова её. К третьему разу Вере стало не неловко, а досадно: из-за его взгляда она дважды забыла, куда поставила миску.

Ближе к полудню Ольгерд Вейс встал и подошёл к кухонной двери.

— Мне нужно ещё раз осмотреть печи.

— Осматривайте.

Он шагнул через порог. Вера уже стояла перед ним с ложкой в руке.

— Руки.

Ольгерд посмотрел на свои руки. На левой знакомый

шрам, на правой въелась дорожная грязь.

— Что с ними?

— С ними всё в порядке, но вы с дороги. А здесь у меня тесто и начинка. Рукомойник в сенях, щёлок в плошке рядом.

Мика замер с ножом над луковицей. Ольгерд не стал спорить, не стал напоминать, что у него донос и право войти куда угодно. Он развернулся, вышел в сени, и было слышно, как скрипнул подвешенный на цепочке рукомойник. Там смотритель закатал рукава до локтей, взял щёлок, налил воды и неспешно, тщательно вымыл руки. Щёлок ел кожу, Вера знала это на собственном опыте, однако Ольгерд даже не поморщился.

Вытерев руки руки чистой тряпкой с гвоздя, Ольгерд протянул Вере обе ладони, как на смотре.

— Достаточно?

— Достаточно.

Она не знала, что с этим делать. Вчера он был при исполнении, а сейчас просто делал, что сказано. Раньше так её не слушали ни в цехе, ни дома.

— Проходите, — сказала она. — Только к тесту не прикасайтесь.

— Не буду.

Он прошёл. Левая печь, правая, кочерга в углу. Вера вернулась к квашне и сунула руки в тесто глубже, чем нужно. Злость поднималась снизу, тихая и бессмысленная. Что ей

до того, моет он руки или нет? Это обычная гигиена. Любой должен.

К обеду зал так и не наполнился: двое возчиков зашли за пирогами и ушли, косясь на кухонную дверь, за которой маячил серый плащ. Вера сняла с огня котёл с похлёбкой и поставила Мике миску под черпак.

Ольгерд тем временем закончил осмотр печей, но не уходил. Постоял у стола, задумчиво постучал по нему пальцем, а потом резко спросил, глядя на дверцу левой печи:

— Весной в погреб ходил кто-нибудь, кроме хозяина? Муку брать, бочки проверять.

— Я ничего не носил!

Черпак у Мики стукнул о край котла. Он стоял, сжимая его в кулаке, красный до ушей, и смотрел не на Ольгерда, а куда-то в угол.

Смотритель молчал, ожидая продолжения.

— Никто не говорил про «носить», — наконец сказал он.

— Я просто… — Мика сглотнул. — Я ничего такого не имел ввиду.

Вера отложила хлеб. Первым делом хотелось взять мальчишку за плечо и вытрясти из него всё прямо здесь, сейчас, пока не поздно. Она знала это желание: в цехе так выясняют, кто оставил открытым кран. Только в цехе при этом не стоял чиновник с полномочиями по поиску контрабанды.

— Мика, — сказала она буднично, — левая печь опять дуется. Выгреби золу из поддувала. Только руками не лезь,

кочергой.

— Я…

— Сейчас.

Он метнулся к печи. Загремел кочергой, зашуршала зола. Спина у него была деревянная.

Ольгерд смотрел на эту спину ещё мгновение. Потом на Веру.

— Мальчишка напуган.

— Вот именно, мальчишка. А тут чужой взрослый чиновник. Я бы тоже сказала глупость.

— Вы бы не сказали.

Вера налила похлёбку в глиняную миску, поставила перед ним на стол, положила рядом ложку и ломоть хлеба.

— Ешьте, остынет.

Он сел. Спорить не стал, и это снова сбило её с толку. Ел сосредоточенно, не поднимая головы. Вера отошла к печи, потом вернулась перцем, потом зачем-то переставила кружки на полке. Краем глаза следила, как убывает в миске. Под конец он дочиста вытер миску хлебом.

Мика всё скрёб золу, не оборачиваясь.

Ольгерд отодвинул ложку. Взял миску обеими руками и молча протянул её Вере.

— Ещё.

Ни «спасибо», ни «недурно». Вера осторожно взяла миску и снова до краев налила похлебку. Поставила перед ним. Поймала себя на том, что стоит и ждёт, доест или нет.

— Хлеба добавить? — спросила она резче, чем собиралась.

— Добавьте.

Мика у печи наконец разогнулся. Зыркнул на Веру, на смотрителя, на миску. И снова уставился на золу, будто в ней было ответ, что делать дальше.

Ночью она спустилась проверить тесто. Вернее, так она себе сказала: сон не шёл, в комнате пахло холодным камнем, а на закваску лучше смотреть вовремя. Свечу Вера несла в горсти, закрывая от сквозняка, и ступени считала ногой.

Кошку она увидела не сразу. Серая, с рваным ухом, она заходила во двор третий день, и Мика гонял её от кладовой. Теперь она лежала не у правой печи, а у левой, прижавшись боком к кирпичу. Вера подняла свечу. Кошка приоткрыла один глаз, оценила обстановку и закрыла обратно.

— Тебе туда нельзя, — шепнула Вера. — Эта печь у нас с норовом.

Кошка и ухом не повела.

Квашня стояла рядом с той же печью, на лавке. Вечером Вера накрыла её полотенцем и задвинула к стене, подальше от сквозняка. Теперь полотенце сползло, а тесто вылезло через край и повисло толстой белой губой. Слишком быстро. Слишком много. Вера нажала пальцем, и тесто осело под ним, пузырясь, живое, как в июльской пекарне.

Она поставила свечу на лавку и задумалась. Сквозняк тут ни при чём, он бы остудил, значит, что-то греет. Но левую

печь с вечера не топили, Вера сама выгребла из неё золу и не оставила ни уголька.

Она присела на корточки и приложила ладонь к кладке на уровне глаз. Кирпич был холодный. Ниже, у середины, прохладный. Вера опустила руку к самому полу.

Здесь было очень тепло. Не от топки, не от плиты, а ровно и глухо, как от лежанки, на которой только что спали. Она провела ладонью вдоль нижнего ряда, потом приложила к полу рядом: плиты студёные. Тепло шло из самой кладки.

— Ну, — сказала она вслух и сама удивилась, как буднично это вышло. — Давай посмотрим, что ты там греешь.

Кошка потянулась и перебралась на край лавки, недовольная.

Вера легла на пол, подняла свечу и стала ощупывать нижние кирпичи по одному, от угла. Первый, второй, третий. Плотные, схваченные раствором, шершавые от золы. Четвёртый шевельнулся под пальцами.

Она замерла. Нажала сильнее, и кирпич качнулся, чуть слышно скрипнув сухим раствором. С краёв он был подчищен: кто-то его уже вынимал и ставил назад. Вера зацепила ногтями верхнюю грань и потянула на себя.

Кирпич вышел легко. Из тёмной щели дохнуло жаром.

Свеча дрогнула. Вера прикрыла её ладонью, наклонилась и сунула руку в нишу по запястье. Пальцы наткнулись на грубую ткань, плотно набитую чем-то сыпучим. Она потянула, и мешок целиком вышел из ниши.

Холщовый, перевязанный шпагатом, горячий, как свежий хлеб.

Глава 5. Очень плохая хозяйка

Свеча почти догорела, а Вера всё сидела на полу у левой печи. Мешок лежал у неё на коленях. За окном светало.

Шпагат она развязала не сразу. Горловина разошлась, и в щели блеснули те же бледные крупицы с золотистым отливом, что смотритель доставал в погребе. Вера зачерпнула щепоть и пересыпала с пальца на палец. Крупицы были сухие, гладкие, ничем не пахли.

Вот она, значит, какая. За неё в расписке покойного Эдвина стоит отдельная строка. Вера уже слышала знала от Мики, что если бросить щепотку такой соли в огонь — пламя становится ровным и долгим, даже в сыром лесу. Если добавить в тесто, то хлеб не черствеет неделями. Если носить при себе, то раны закрываются быстрее, а холод отступает. Видимо, поэтому казна объявила её запретной. Не потому, что она «плохая», а потому, что слишком удобная. Кто контролирует тёплую соль — контролирует дороги зимой, склады, армию, то есть контролирует все самое важное в государстве…

Мысль пришла сама, тихая и деловая. Вынести мешок до света, найти того, кто не задаёт вопросов, и вернуться с кошельком. Положить перед Горстом на стол весь долг. Посмотреть на его лицо.

Хорошая мысль. Она даже согрелась от неё, хотя, возможно, это было тепло от мешка.

Вздохнув, Вера завязала шпагат. Покупателей она не знала. Не знала, кому такое несут, и что за это бывает. Знала только одно: мешок лежал в стене её кухни, а она в этом самом доме клялась человеку в сером плаще, что ни о каком тайнике не слышала. Продаст — и всё сказанное станет враньём. Задним числом, но станет. А врать она никогда не умела.

— Показать, — сказала она вслух. Кошка, дремавшая на лавке, повела рваным ухом. — Ему и показать. Пусть сам разбирается, чьё это.

Наверху послышались шаги. Вера вздрогнула, это Мика встал, сейчас спустится за ведром.

Она вложила мешок туда, где он лежал, повернула горловиной к стене, как нашла. Взяла кирпич, прижала на место, огладила края сухой золой из поддувала, чтобы не светились чистыми гранями.

Хлопнула входная дверь: Мика ушёл к колодцу. Вера поставила свечу на подоконник и взялась за закваску.

Серый плащ показался во дворе, когда она уже вынимала из печи пироги. Ольгерд привязал коня, вошёл в сени. Немного погодя, коротко звякнула цепочка рукомойника.

— Мне нужно с вами поговорить.

— И мне с вами. — Вера переложила пироги на доску. — Идите сюда. Левая печь.

Она присела у нижнего ряда и вынула кирпич. Из ниши потянуло теплом. Ольгерд опустился рядом на корточки, за-

глянул, но мешка не тронул. Смотрел на саму кладку, на подчищенные края.

— Давно? — спросил он.

— Ночью нашла. Кошка привела. То есть она просто лежала.

— Меня эта печь и держала, — сказал он. — Знак на ней погас, я видел. А она горит. Я с первого дня ждал, скажете ли вы сами.

Вера повернула к нему голову.

— Вы знали, что в ней что-то есть?

— Знал, что её что-то греет. — Он смотрел на неё прямо. — Если бы вы промолчали, я бы вскрыл её сам. И вашей растерянности в погребе я бы больше не поверил.

— Приятно знать, что меня проверяли на честность, пока ели мой суп.

— Суп был хороший.

Дверь в сени хлопнула, и в кухню вошёл Мика с полным ведром. Он остановился, увидев смотрителя на корточках у печи, и ведро качнулось.

— Мика, — сказала Вера, — помоги вспомнить. В то утро, когда ты меня на полу нашёл, левая печь была какая?

— Холодная. Мёртвая.

— Я её трогала. Помнишь, я ладонь прикладывала?

— Ну. Ничего не вышло.

— А когда она загорелась?

Мика переступил с ноги на ногу.

— На другой день. Я доску сунул, а она сразу занялась. Ты ещё сказала, доска сухая.

— Сказала. — Вера кивнула. — Спасибо. Выйди во двор, пожалуйста. Дров принеси, у крыльца почти не осталось.

— Там же есть…

— Мало.

Мика поставил ведро к стене и вышел. Дверь в сени он за собой притворил плотнее обычного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.